Пугалка

Четыре человека, четыре взгляда, одно задание.

Часть 1.

Бумеранг.

Закон, вдолбленный железом в голову каждому солдату, гласит: "В случае смерти во время задания, командир имеет право [обязан] переселиться в тело любого оставшегося в живых из отряда". И потому первостепенная задача рядового - во что бы то ни стало остаться в живых, чтобы в экстренном случае отдать свою тушку командиру.

Я была командиром. Во вторую декаду первого рабочего месяца мы получили внеочередное задание - уничтожить стаю пугалок. Пугалки, на деле, совершенно безобидные существа, и не могло быть логичного объяснения такому приказу. Но вопросов, как обычно, не задавали.

Все то задание стало для меня одним бесконечным экстренным случаем.

В первую из зорей, когда светил еще не было видно, мы подступили и рассредоточились по полю, дабы напасть неожиданно. Их была целая свора. Неожиданно - слабо сказано. Они скакали на своих жердочках и убегали от нас, пытаясь скрыться, так смешно и нелепо размахивая лохмотьями. Мы разряжали в них обойму.

Вдруг, с той стороны поля, начали отстреливаться - одиночными, но меткими выстрелами. В наших рядах пошла сумятица, мы не имели никакого понятия, кто это. До них еще предстояло добраться.

Как ни странно, в меня попали. Мгновение, и я в новом теле. Не успеваешь понять, откуда точно бьют, поле сплошняком, без всякого кустарника. Через какое-то время в это тушку тоже попали. Переход, как мгновенный бросок, ты не осознаешь, фактически, новое тело, как новое. Бросок, и я сразу продолжаю убивать.

Еще одна. Прицеливаюсь по очередной мишени. Секунда. Медлю - что-то не так. Изображение на сетчатке смазывается. Вот бежит пугалка, но у неё две ноги, и лохмотья развеваются на далеко не деревянных руках. Она бежит зигзагами, пытаясь уклониться от пуль. Глупая, в таком

пространстве ей негде спрятаться. Всего секунду – ты видишь каштановые с проседью волосы, до боли знакомую руку без одного пальца, - и через ту же секунду перед тобой снова огородная пугалка. Она же не.....?!

И ты понимаешь. Ты прекрасно понимаешь, кто перед тобой.

Палец, наведённый на курок, дрожит, как ножка стрекочущего сверчка.

Секунда. Вторая. Не успеваешь разобраться, понять, что делать... и твой внутренний крик заглушает стрекот автомата в твоих же отнюдь не собственных руках. Ещё одна...".

Она уже не смотрит в глаза сидящему напротив. Спина - в начале разговора такая прямая, словно в неё вточили железный стержень - сгорблена, плечи поникли. Не плачет, просто уставилась в пол недвижным взглядом, бездумно потирая буровато-синие рубцы на руках..

- Капитан, что с ней.. дальше..? - закрывая дверь, спрашивает второй. Неопытная глупая зелень - задавать такие вопросы сродни подписать добровольную на утилизацию. Но капитану почему-то становится его немного жаль. Зрелище было не для слабонервных.

- Ничего, Джекиз. Прорыв иллюзионного поля, смерть целого отряда, самовольный уход с задания. Даже одного из этих пунктов для их шестой реальности достаточно, чтобы отправиться в Большую Чистку. Шансов остаться в живых, а тем более в строю, у неё нет. Но... - он хрустит костяшкой указательного пальца - при большой везучести, ее, может быть, причислят к мишеням.

Часть 2.

Чистый лист

Ты всего лишь рядовой. Ты знаешь закон. У тебя нет воспоминаний. Нет дома, в который можно вернуться, семьи, которая могла бы тебя держать на плаву. Твоя семья - это отряд. Ты - тело, что выполняет приказы.

Это было утро того задания. Следующий в цепочке Сид, мы знали это, но никто не прощался. Когда в командира попали, я невольно огляделся в поисках Сиды. Он бежал чуть позади. На секунду он как будто выключился, а после снова открыл глаза. Прощай, Сид.

На самом деле, для каждого из нас смерть командира - это личная смерть. Если ты следующий в связующей цепи, значит его сознание выберет тебя. Отдать свое тело - думается не так страшно, на самом же деле ты соглашаешься на то, что твое сознание будет подавлено и постепенно растворится в сознании командира. Ты приносишь самого себя в жертву.

В отличие от обычных рядовых, у командира есть воспоминания. И семья. Это можно было бы считать привилегией - он же высшая боевая единица, но нет. На деле, это всего лишь орудие давления, в случае, если на то будет необходимость. Если же и это не помогает воздействовать, ему прямая дорога в БЧ.

Никто не называет ее полным именем. Просто БЧ. Но становятся ли это слова менее страшными от того, что их не говорят вслух? Для каждого они значат что-то свое, но всегда нечто ужасающее, скользкими пальцами проникающее в твои сны, оставляя после себя на утро горьковатый комок в горле. Когда тебя, пятнадцатилетнего, волочат в Зал, Большая Чистка звучит почти безобидно. Ну, почистят тебе мозги, ну и что? Улыбаются. Они рады за тебя. Ты станешь одним из них, из нас. Тебя мягко укладывают в капсулу. Ободряюще хлопают по плечу. А потом.. а потом твое сознание разрывает на ошметки, как кукольный домик, оказавшийся внутри урагана.

Ты просыпаешься. Я не должен был знать то, что знаю. Ты просыпаешься. Без воспоминаний, без воли, без умения привязываться к людям. Без всего, в чем больше нет необходимости, по их мнению. Теперь ты - идеальный солдат, только что из-под конвейера.

Они просчитались. Они не могли знать, что я из другой реальности. Так что, будут спокойны, а я все помню. Дом. И семью. И все, что случилось со мной после.

Сид, а точнее лучшая его часть прекратила существование. Но не успел я пробежать и пару метров, как почувствовал это. Чужое тепло разлилось по венам и наполнило меня. Меня насильно вытесняли из собственной головы, это сводило с ума. Я хотел кричать, но все мои усилия не создали и писка. Минута борьбы, и мое жалкое сознание ушло в подполье. Последней мелькнула ехидная, неуместная мысль, что со мной-то уж точно никто не попрощался.

Но что-то случилось. Командир внезапно потеряла нить и я почувствовал сталь автомата в своих руках. Ха, я снова владею своим

телом! Восхитительное, доселе неизведанное ощущение. И чтобы проверить это, шевельнул помертвевшими пальцами, и нажал на курок.

Радовался я недолго. Последовавшие за этим события потрясли, внутри меня неожиданно разразилась настоящая буря. Я никогда не чувствовал такой боли на собственной шкуре, время как будто замедлилось, меня переламывало пополам. Мой рот открывался, но это кричала она - задыхаясь от слез, вдавливая ногти в мои ладони до крови. Нечто настолько вывело ее из строя, что наши мысли смешались - она невольно раскрылась моему сознанию. И.. я увидел причину.

Женщина. Мое... нет, её самое родное существо. Вот она бежит зигзагами, пытаюсь уклониться от пуль. Глупая, подумал я, в таком пространстве ей некуда деться. И словно в ответ на эту мысль она падает, как подкошенная.

Внезапное осознание вытащило меня из чужих мыслей. Это ведь я убил ее. Я нажал на курок. И в тот же момент мне стало ясно, что командир тоже это поняла. Рука непроизвольно дернулась. В следующие минуты я мог только молча наблюдать, как моя собственная рука медленно ставит автомат на землю, развернув на 180 градусов, и упирая дулом в мое горло. Сознание заметалось, но она уже была тут и держала контроль железными пальцами. Есть ли закон, запрещающий командиру убивать рядового?

Я знал, что, если я умру, следующей в цепи будет Нэнси. Мы знали очередность "тушек для командира" наизусть. Но сейчас я узнал больше. Ее обезумевшее сознание выстроило план, и он ужаснул меня своей жестокостью. Я даже пожалел Нэнси. Возможно, она единственная из нас, кто останется в живых. Если это можно так назвать.

Часть 3.

Иллюзионист

Все знают закон. Рядовой знает свое место в отряде и правила, командир знает чуть больше. Но вот только есть то, чего не знает о своем отряде даже сам командир.

Честно признаюсь, Старшую M.S. я ненавижу. Я служил в ее отряде, в молодости она была по-настоящему дикой. Одного ее взгляда хватало, чтобы у матерых командиров соседних отрядов мурашки пересчитали позвонки. За малейшую провинность одного рядового она карала всех. В

какой-то момент, когда она стала совершенно неконтролируемой, высшее командование решило, что ей пора «завести семью». Мне жаль, что я воздержался от голосования, когда принималось это решение. Вернуть меня в тот момент, и я кричал бы - нет! нет! и еще раз нет!

После этого она стала слишком... привязанной. Мерзкое слово. Рохлей. Поначалу все расслабились, никаких затычек, в ночную смену выходишь без синяков. За лишнее движение уже не надо скакать на морозе, или тащиться пешком в долину обтесывать (вручную!) камни.

Вскоре у нее появилась эта мелкая - точная ее копия, и я совершенно перестал ее узнавать. Я докладывал о ее состоянии в штаб, но от меня отмахивались, мол, первое время всегда так, даже лучше, если дела так обстоят. Я же не мог.. Если раньше, ее излишняя жестокость меня только раздражала, то ее нынешняя расхлябанность стала просто непереносимой. А может, именно эта разница до и после и доводила меня до белого каления. Я так отчаялся, что делал попытки перейти к другому командиру. Но, склонность к созданию иллюзий – дефект, и есть он далеко не у каждого. Потому мне ясно дали понять, что мой переход в другой отряд невозможен. От безвыходности я начал гаденько мстить. Вечерами спаивал ребят, и мы орали песни старой эры, которые ее особо раздражали. Я не убирал в свою смену - грязное белье тут, строй вонючих носков там - к чему приучал и остальных. Но ее ничего не брало. Она пришла после ночной, она, которая доставала пылинки даже из воздуха и заставляла передраивать весь штаб, пока твои пальцы не становились похожими на сморщенные стручки гороха - оглядела наши комнаты и молча вышла. Ни одной отрицательной эмоции, ни одного дернувшегоса мускула, казалось, ей стало совершенно наплевать на нас. Я. БЫЛ. ЗОЛ! Я жаждал хоть какой-то реакции, чтобы понять, жива ли та, внушавшая нам благоговейный ужас.

На утреннем осмотре я смачно плюнул ей вслед, стоило ей пройти мимо. Она резко обернулась, на секунду я даже перестал дышать, и услышал общий вдох всего отряда. Но она лишь скользнула по мне взглядом, словно я - пустое место, и продолжила осмотр. Мой командир ради пары бесполезных людей и пустой привязанности, созданной для манипуляции им же, убил в себе себя. Этого я ей простить не смог.

Да, командир знает не все о своем отряде. У каждого отряда есть свой иллюзионист. Это было введено еще в старые времена, в первый прецедентный случай: когда командиру дали задание с участием его близких. Такое бывает, за большие провинности или измену Высшим тебя награждают смертью, даже если твой дэдди - боевая шишка. Он отказался

выполнять приказ, и когда Высшие начали его вынуждать, выстрелил себе в глотку.

У каждого закона есть поправки и исключения. Если командир сам выстрелит в себя, его сознание блокируется и это окончательная смерть.

После этого случая в каждый отряд был внедрен иллюзионист. Командир не видит, кого он убивает. Чтобы не было казусов, на мишени накладывался облик нелюдей: карлики, пугалки, кролики, ящеры. Чего захочется Его превосходительству.

Отряд не знает об иллюзионисте в своих рядах. Командиров также долгое время не ставили в известность, и спустя многие годы, это стало тайной за семью завесами. Никто не убивает людей, все счастливы. Иллюзия накладывалась только на территорию поля, потому и Высшие, которые обычно наблюдают за процессом, могут получить свое удовольствие от зрелища.

Это своеобразная игрушка власть имущих - они не подвергают своих противников мгновенной казни, а предпочитают вот такой жёсткий метод: оцеплять поле, накладывать иллюзию и руками своих младших собратьев отстреливать по одному. Им нравится наблюдать, как они убегают от пуль - ослабевшие, годами вынужденные скрываться, жившие в постоянном страхе, что их поймают. Простая истина, которую беглецы никак не примут: у них априори не было шанса.

В одном из заданий, в мишенях были важные правительственные заказы. Я, парочка иллюзионистов и несколько человек от начальства отлавливали их ранее для этого по всей реальности в течение двух с половиной лет. Мы с отрядом уже почти всех прикончили, когда оставался всего один. Я знал его. Я лично участвовал в его поимке, и помнил, скольких сил мне эта поимка стоила. Она держала его на мушке, но не хотела стрелять. Отряд потихоньку потягивался с разных концов поля.

- Что на этот раз? - я выругался. - Что, этот карлик слишком мил, чтобы его убивать?

Кто-то крикнул, но я уже поднял автомат. Мне было плевать на последствия, в тот момент моя ярость достигла *ultima thule*. Я хотел задеть ее, причинить ей боль. Я бы не признался тогда даже самому себе, но хотел бы ее убить, если бы мог.

В последнюю секунду, меня оттолкнули, сбив прицел. Конечно же, в этих овощах заложено защищать своего командира. Но я уже выстрелил. Так Старшая M.S. лишилась пальца.

Может, именно этот эпизод с «карликом» и повлиял на нее впоследствии. Она отказалась от командования. Кажется, делов-то. Но в шестой реальности, если ты принял звание, ты либо командир навсегда, либо труп. Однако, в честь былых заслуг, ее поместили в одиночную, на подумки, а семье сказали, что командира пленили повстанцы. И я благополучно забыл о ее существовании.

Отряд распался. Несколько лет я мыкался по правительственным заданиям, пока наконец меня не пригласили в штаб для определения состава нового отряда. Я так радовался, что подскакивал и насвистывал на ходу, пока шёл туда. Новый отряд - это всегда новые возможности. Лишь бы с командиром повезло. Я зашёл, этакий лучащийся добром и надеждами, и... взвыл от ярости, когда увидел командира. Это была младшая M.S., как две капли воды похожая на свою мать.

Огромным усилием воли взяв себя в руки, я оглядел ее, пытаюсь придать своему взгляду насмешливости. Ей было уже около 20. Хорошо натренированный боец, в ответ на мой взгляд окатила меня холодной волной презрения. Ух! Возможно, это будет еще один шанс нашим отношениям с этой семейкой. Знает ли она, где сейчас ее мать? Помнится, та сбежала пару лет назад. И теперь ее искали несколькими группами. И счастье, что обошлись без меня.

Поначалу все было хорошо. Она держала нас в ежовых рукавицах, но была сдержанной и сильно не докапывалась. У нас было за плечами несколько заданий, когда старшую M.S., наконец, нашли. Младшая же, разумеется, об этом не знала. А я уже мысленно делал ставки, на то, что произойдёт дальше.

Нам дали «срочное задание». Светил еще не было, мы, крадучись, подступали к полю, на котором я заранее создал иллюзию пугалок - в последнее время мою самую излюбленную. Я все ждал, не верил, но ждал этого момента. Могло случиться что угодно, Ее могли пристрелить раньше, но её высочество судьба была на моей стороне.

Когда в нас непредвиденно начали палить с противоположной стороны, держать иллюзию стало в разы сложнее. Я не знал, входило ли это в планы начальства, им могло стать дать молодому отряду дополнительное испытание для подготовки. Совсем стушевался, когда мой командир упал

навзничь. Это было запланировано? Не страшно, конечно, у нее еще 10 тушек, но смерть командира на обычном задании из ряда вон выходящее событие.. Я наблюдал за ее перемещениями. Убили вторую тушку. Она переместилась в третью. Что-то шло не так, ситуация теряла контроль.

И вот, оно случилось. Она держала Ее на мушке. Старшая все время инстинктивно пыталась двигаться ближе к ней, хотя это и было бесполезно, говорить она не могла. Я ждал того, что неизбежно должно было случиться, ждал с упоением. Она выстрелит в нее. Младшая M.S. сразит Старшую наповал. Можно было жить всю жизнь только ради этого момента.

Выстрел. Только он пришёлся не в каштановую головку моего бывшего командира, а мне в плечо. За себя я не боялся, иллюзионистов берегут, потому что 24/7 я вынужденный «броненосец». Но от неожиданности меня завалило отдачей назад. В голове все смешалось, слышались крики, и я понял, что иллюзия на несколько секунд слетела. В панике, собрав все разбредавшиеся мысли, мгновенно настроил все на свои места. Вот только было уже поздно. Я увидел это по ее глазам. Поняла ли она, кого должна была убить? Рядовой какеготам, она занимала его тело, держал палец на крючке. Но видно было, что она окончательно запуталась и не может прицелиться. И вот наконец, ее рука резко дернулась. Выстрел. Старшая M.S. упала навзничь. С трудом подавил в себе желание подойти удостовериться, с нее бы стало притворяться мертвой хоть несколько дней.

Но вот то, что случилось дальше с моим новым командиром окончательно выбило меня из колеи. Я вспомнил имя рядового, в котором она пребывала сейчас - Захри. На моих глазах его словно переломило пополам, как будто внутри него что-то с ним боролось. При перемещении сознания командира, пребывавшее в этом теле родное сознание обычно за несколько секунд самоуничтожается. Впервые в истории реальности я наблюдал, как два сознания дерутся за одно тело. Я понял это сразу, по тому простому движению, что одна рука ставила автомат на землю, разворачивая дулом к горлу рядового, а другая пыталась ее остановить. Вот только понять, что внутри этих сознаний творится мне не удалось. Я до последнего надеялся, что Высшие наблюдают и контролируют происходящее.

Но последовавшее за этим дало мне ясный ответ на мучивший меня вопрос. Да, она поняла, в кого выстрелила.. Я стоял чуть в отдалении, мне нужно было беречь иллюзию от очередного сбоя, и наблюдал.

Захри упал. Из его горла хлестала кровь.

Я выцепил взглядом Нэнси. Она была следующая на очереди сознания командира. Нэнси лишь чуть вздрогнула. Сразу видно, у командира уже опыт в перемещениях. И тут уже я вздрогнул, когда Нэнси завалила пятого из нашего отряда. Я было подумал, что она попала случайно, но нет, она отыскала шестого и выстрелила в упор. Отряд стушевался. Разбегались пугалки, стреляли с той стороны, а теперь еще командование сошло с ума.

Я своими глазами видел, как рядом с убегающей пугалкой бежал рядовой, и его сразила пуля Нэнси, а если быть точным, Младшей M.S., у которой поехала крыша.. В пугалок она больше не стреляла. Это было хорошо, у меня был способ скрыться. Я нацепил иллюзию пугалки на самого себя и резво ускакал в единственный лаз в оцепленном поле. Можно было не бояться, что меня найдут, тем более, что я сам его сделал.

На самом краю поля я обернулся. Мой отряд лежал вповалку с мертвыми пугалками. С той стороны уже не стреляли. Командир сидела на земле в странной позе. Склонив голову, сложившись, как будто она марионетка, которой обрубил нити. Руками она обнимала автомат. Я поспешил скрыться.

Часть 4.

Посланники с Мертвой Земли.

Я осторожно выглянул из травы. Поле безмолствовало. От правительственного отряда остались лишь клочки да косточки. Один жест рукой, и мои бойцы высыпали из своих импровизированных окопов и двинулись к полю. Трупы солдат и их жертв лежали, умиротворенные смертью, с беспорядочно раскинутыми руками и ногами. Лишь в центре поля одиноко сидела сторбленная фигурка командира. Я знал, что это она. Убить командира сложнее всего из-за какой-то их сложной системы перебрасывания.

Я отслеживал ее перемещения с парой-тройкой востроглазых ребят. Сейчас она сидела без движения. Опасаться ее не стоило - после увиденного нами она вряд ли уже боеспособна. По пути к ней я неосторожно задел ногой локоть мёртвого солдата. Что это? Я мог поклясться старым добрым обрубком своей руки, из-под солдата раздался странный то ли писк, то ли стон. Рывком оттащил тело в сторону. Сраженный пулей собственного, неожиданно помешавшегося командира, солдат упал на девочку лет 9-10, прикрыв её собой. Я узнал ее. Она была одной из их мишеней. С

максимально возможной для меня бережностью, я поднял маленькое тельце и огляделся.

Мои ребята прочесывали периметр в поисках живых. Девочка на моих руках не шевелилась. Скорей от шока и большого количества крови, оросившей местную траву вместо долгожданных дождей. Я успокаивающе покачивал ее, пока она не открыла глаза. Резко вздохнув, она испуганно заметалась. Шшшш – шептал я, понимая, что не имею никакого опыта общения с маленькими детьми.

- Эй, Осви, отнеси её в лагерь, а я займусь командиром.

Огромный, как скала, Освальд почти нежно взял девочку на руки.

Из 15 мои ребята убили 7-х. Да, негусто, но нам вообще не следовало высовываться, просто подвернулся слишком удачный шанс.

Больше живых не было. Я по привычке отдавал приказы: забрать оружие, обшарить карманы и все нести в «штаб», хоть и смешно называть так землянку в лесу. Продавливая кровавые следы в земле, подошёл к командиру.

«Страшная женщина», как ее называли мои, на деле была почти ребенком. Ее распустившиеся волосы обвивали автомат. Когда я осторожно вытащил его из ее рук, она даже не среагировала. Кинув оружие мелкому с нашего отряда, я схватил ее в охапку и закинул на плечо. И подивился, что при своей хрупкости, она весила добрых... много весила.

-Ай! – невольно. Плечо царапнуло.

И тут я понял, в чем соль такой тяжести. Все ее тело было увешано тщательно замаскированным оружием.

Острие ножа, спрятанного на ее бедре и прошлось по моему плечу. С внутренней подкладки куртки прощупывались боеприпасы - просто ходячая машина для убийств. Мы шли и её тело покачивалось на моем плече, бряцая дивной музыкой оружия.

Все закончилось.

Парни собирались уходить, возможно, мы бы никогда не узнали последующего за этим, но я замыкал цепь отряда, и потому услышал.

Над полем еле слышно разносилась песня.

Я кликнул, и весь отряд обернулся.

Стойте! – хотел громко, но почему-то вышло совсем сипло, как будто я в мгновение ока потерял голос.

Секунд десять стояла полная тишина, я уж подумал, что это мое больное воображение воскресило в памяти те времена. Но нет. Песня снова разошлась, казалось каждая травинка подхватывает её.

Это была колыбельная. Наша Колыбельная. Песня, которую пела каждая мать своему ребенку там, дома, в реальности, от которой в данный момент остались лишь горстки пыли где-то в далёком космосе.

Казалось, как будто наша Мертвая земля восстаёт из пепла и через столько времени посылает нам свой привет.

Я огляделся на ребят, и судорога прошла по мне. Осви, эта могучая гора, беззвучно плакал. Мы стояли, как парализованные, а потом, как будто шумовая волна - все начали кричать, разбегаться, искать источник.

И через пару минут Бос, самый мелкий из нашего отряда, начал кричать и звать меня.

– Эй, сюда! Сюда!

Отряд, спотыкаясь, бежал к черному пятну, на которое указывал Босси.

Парень лежал на траве, в центре поля, рядом с тем местом, откуда я забрал командира. Я не обратил на него особого внимания, подумав, что он мертв. Все горло его было в крови. Но пуля пришлась между шеей и ключицей, чуть выше и он точно был бы не жилец. Смутно знакомое лицо. Я припомнил его – это был тот самый, которого командир прикончила первым, как я понял, будучи в его же теле. Я встряхнул головой, отгоняя неприятную картину, свидетелем которой невольно стал. Видимо, он дернулся в последний момент, и траектория смазалась.

Мы всем отрядом склонились над ним. Он как будто не видел нас. Сквозь облепившие его глаза мокрые от крови волосы, он смотрел в единственно свободный от наших голов просвет неба и тихо пел, периодически прерываясь на кашель и попытки сделать полный вдох.

Осви передал малышку, которая уже спала в его руках, Кнату, а сам поднял парня, как пушинку, и почти побежал в сторону лагеря. За паренька я не боялся, Осви его мигом подлечит. Я поднял глаза на остальных. Запачканные в пыли и траве, уставшие, измученные долгими боями, парни улыбались во все зубы. Я и сам невольно засмеялся. Ни одному земляку никто так, наверное, не радовался, как мы этому парню. Он свой. Он несёт в себе частичку Дома.

Да, Дом был мертв. Но мы живы. И этот парень тоже остался жив. А значит, у нашей четвертой реальности есть шанс.

Песня смолкла, но она продолжала звучать в наших сердцах и взглядах, полных надежды, которые мы бросали друг на друга, не веря самим себе. Когда-нибудь мы снова обретём родину. А пока мы просто «повстанцы», для кого-то путешественники между мирами, для кого-то посланники с Мертвой земли.

Эпилог

– Капитан, мы нашли еще одних! Выхватили на самой границе с Шестой.

– Киньте их к той, помешанной, с ними поговорим позже. И обработайте их немного, но чтоб без шуточек. Иллюзиониста сразу ко мне.

Мужчина чувствовал, как его тело слабо покачивает в ритм чужих шагов. Носильщики остановились. Звук открываемой двери, и его швырнули прямо на бетонный пол. Сознание отключилось. Когда он снова открыл глаза, свет лампы слепил ему прямо в лицо.

– Кто.. вы? Где.. я? – его голова слабо моталась из стороны в сторону, как у игрушки-болтушки. Наконец, взгляд сфокусировался на горе мышц, что поигрывала ножичком за спиной у пристально смотрящего на него человека в черном. Тот взял его за подбородок и повернул лицом к себе.

– Считай, что ты на исповеди, а я твой святой отец. Расскажи-ка мне, приятель, как там дела в вашей Шестой реальности.